

Марк Твен

ПРИНЦ
НИЩИЙ

Перевод
Алексея Козлова

Марк Твен

**Принц и Нищий. Перевод
Алексея Козлова**

«Издательские решения»

Твен М.

Принц и Нищий. Перевод Алексея Козлова / М. Твен —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938018-0

Новый, адаптированный перевод Алексея Козлова знаменитой повести Марка Твена (Самюэля Клеменса) «Принц и Нищий» («The Prince and the Pauper»)

ISBN 978-5-44-938018-0

© Твен М.
© Издательские решения

Содержание

Глава I. Рождение Принца и рождение Нищего	6
Глава II. Детство Тома	7
Глава III. Том встречает принца	10
Глава IV. Начало бед Принца	15
Глава V. Том – Патриций	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Принц и Нищий

Перевод Алексея Козлова

Марк Твен

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Марк Твен, 2018

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2018

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2018

ISBN 978-5-4493-8018-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я расскажу вам эту историю, как мне её рассказывал один человек, который когда-то как-то слышал её от своего отца, а тот в свою очередь слышал от своего, а тот – от своего и так далее, и тому подобное, всё глубже и глубже в прошлое, и так триста лет и более их отцы рассказывали её своим сыновьям, таким образом, сохранив её для нас. Может быть, всё это было на самом деле, может быть это только сплетня, легенда, дань традиции. Это могло случиться наверняка, этого могло не быть вовсе, но мне кажется, что это несомненно было! Пусть мудрецы и книгочеи узнали эту историю в далёкие времена, зато простые люди любят её до сих пор.

«Двойным добром нас дарит милосердье,

Кто милует, блажен, блажен и тот,

Кто милован. Оно виднее

В делах у сильных мира – королей,

И служит украшеньем их короны!»

Шекспир. «Венецианский купец»

Глава I. Рождение Принца и рождение Нищего

Во второй четверти долгого шестнадцатого века, в старом городе Лондоне одним мрачным осенним днём в бедной семье, носившей фамилию Кенти, родился никому не ведомый английский мальчик, и его появление на свет было не замечено никем. Да и сам он был совершенно никому не нужен! В тот же день в богатой семье по фамилии Тюдор родился еще один английский мальчик, на появление которого все надеялись и которому все были несказанно рады. Вся Англия боготворила его. Вся Англия желала его, вся Англия надеялась на него, вся Англия так усердно молилась за него Богу, что теперь, когда он появился на свет, люди просто посходили с ума от радости. Знакомые обнимались, люди целовались и плакали. Везде звучала музыка, и звенели радостные голоса. У всех был праздник, и высокий и низкий, богатый и бедный, здоровые и больные, все они пировали, танцевали, пели и пили, и так продолжалось несколько дней и ночей кряду. Днем Лондон пестрил цветастыми флагами, вымпелами и лентами, реявшими со всех балконов и крыш, и любой в толпе был поражён грандиозным великолепием этих шествий. На каждом углу пылали огромные костры, и ночью на улицах было светло, как днём. Целые полчища гуляк сутки напролёт веселились и плясали вокруг. Все слова всей огромной Англии произносились только во славу долгожданного новорожденного наследника престола – Эдварда Тюдора, принца Уэльского, который лежал теперь в шелках и атласах, не понимая всей этой суеты, и не зная, что великие лорды и дамы ухаживают и наблюдают за ним – плевать ему было на всё это. Но никто и слова не сказал о другом новорожденном младенце – Томе Кенти, завёрнутом ныне в жалкие, грязные лохмотья, – никто, кроме нищего семейства, в которое вместе с Томом вошли новые тяжкие заботы и хлопоты.

Глава II. Детство Тома

Итак, пролистаем несколько лет.

В тот день городу Лондону исполнилось без малого пятнадцать столетий, и был он огромен и прекрасен. Сто тысяч жителей обретались в нём – некоторые полагают, их было вдвое больше. Улицы его были узки, как каньоны или норы, кривы и грязны, особенно там, где жил Том Кенти, а жил он совсем близко от Лондонского моста, в довольно унылом городском районе, где обреталась одна городская беднота. Дома здесь были деревянные, второй этаж всегда мрачно нависал над первым, а третий ещё дальше расставлял свои деревянные локти, почти закрывая небо. Чем выше были строения, тем шире и причудливее они возрастали. Их остовами были мощные фахверки, с глиной или кирпичами между брусом, дома, обильно белёные извёсткой. Балки были выкрашены в ярко-красный или тёмно-синий цвет, а порой бывали и черными, по мании владельца, и это придавало домам чрезвычайно живописный вид. Окна были крошечные, с мелкими ромбами стёкол, и открывались наружу, на петлях, как входные двери.

Дом, в котором жил отец Тома, ютился за Обжорным Рядом в грязном вонючем тупичке под названием Мусорный Загон. Домик был маленький, гнилой, разухабистый, и как осинное гнездо, заселённый безнадежно испорченными семействами и несчастными одинокими бедняками. Вечно жужжащее семейство Кенти занимало грязную комнату на третьем этаже. У матери и отца было какое-то подобие кровати в углу, но Том, его бабушка и две его сестры, Бет и Нэн, не были ограничены ничем – всё они носили при себе и могли спать там, где пришлось. Им были уготованы ошмётки цветного ватного одеяла и несколько пучков древней, свалывшейся грязной соломы. Эти мусорные кучи лежали по углам, пока ночью их не разбирали на лежбища.

Бет и Нэн были пятнадцатилетними девочками-близняшками. Это были добродушные, немые, одетые в лохмотья и очень тёмные разумом существа – точные копии своей несчастной матери. Но отец и бабушка, эти столпы воспитания в большинстве семейств, здесь были сущими исчадьями. Они напивались, как только удавалось, и начинали драться друг с другом или с любым, кто попадался под руку, они ругались, мрачно и грязно, как боги, и надо сказать ругались они всегда, пьяные или трезвые, всё равно. Джон Кенти был вором, а его мать попрошайкой. Они выковали из своих нищих детей ловких профессиональных нищих, но воры из них почему-то не вышли. Среди ужасного сброда, населявшего дом, жил один человек – им не чета – добрый старый священник, выкинутый королём из дома на улицу с копеечной пенсией, отец Эндрю, и он часто отводил детей в сторону и тайно поучал их добру. Отец Эндрю сумел немного подучить Тома латыни, а также пристрастить к чтению и письму, и сделал бы тоже самое и с девочками, если бы они не боялись издевательств своих сверстниц, которые не стали бы терпеть их успехов.

Весь Мусорный Тупичок был точно таким же злачным осиным гнездом, как дом Кенти. Пьянки, ссоры и драки – были в порядке вещей, и происходили там каждую ночь и как правило заканчивались только утром. Пробитые головы среди обитателей этого ада были столь же обычным делом, как и голодное бурчание в желудках.

Но маленький Том не был несчастен. Жизнь его была тяжела, но к счастью он не осознавал этого. Все мальчишки его двора жили такой же точно жизнью, как и он, поэтому он совершенно справедливо полагал, что так и должно быть. Ночью, когда он возвращался домой с пустыми руками, он уже заранее знал, что его отец будет клясть и скорее всего, изобьёт его до полусмерти, а когда он закончит, его жуткая бабушка побьёт и изругает его снова и только глубокой ночью его голодающая, измождённая мать скользнёт к нему с крошечной

сухой корочкой или жалкими объедками, которые она втайне приберегла для него, несмотря на то, что за это она часто была изловлена и жестоко бита своим немилосердным мужем.

Нет, жизнь Тома была не такой плохой, особенно летом. Летом он нищенствовал, и во время нищенства молился, чтобы не попасться констеблям, потому что законы против бродяжничества были ужасно строгими, а штрафы слишком тяжкими, поэтому много времени он проводил, слушая очаровательные старые истории и легенды отца Эндрю о великанах и феях, гномах и святых, заколдованных летающих замках и великолепных египетских фараонах и арабских шейхах. Его голова была целиком забита этими замечательными баснями, и множество ночей, когда он лежал в темноте на своей скудной и жесткой соломе, усталый, голодный, страдающий от жестоких побоев, ему ничего не оставалось, как дать волю своему воображению и забыть о своих болях, рисуя в своём горячем уме восхитительный образ сладкой жизни величественного принца в роскошном царском дворце со львами и жирафами. Всё время, все дни и ночи его преследовала мечта – он хотел увидеть настоящего принца. Однажды он поведал об этом своим приятелям, бродившим с ним по грязному двору, но они подняли его на смех и безжалостно издевались над ним, что он с тех пор решил держать свои мечты при себе.

Священник часто давал ему свои старинные книги, и заставлял Тома пересказывать и толковать их. Мечты и книги сильно изменили Тома. Его мечты были такими прекрасными, что он стал стыдиться своей потертой, грязной одежды, стыдиться своих грязных рук, и отныне хотел ходить чистым и опрятным. Он продолжал играть в грязи вместе с другими детьми, и как прежде наслаждался этими играми, но вместо того, чтобы брызгаться в Темзе ради удовольствия, он начал находить удовольствие оттого, что речная вода смывала с него городскую пыль и грязь.

Том всегда находил что-то интересное в том, что творилось вокруг Майпола или в Стрит-сайде, и на ярмарках, и время от времени у него, как и у многих жителей Лондона был шанс увидеть пышный военный парад, когда по суше или на барке какой-нибудь знаменитый бедолага доставлялся в застенки Тауэра. В один летний день он увидел, как бедную Анну Аскью, и ещё троих мужчин сожгли на костре в Смитфилде, и слышал, как бывший епископ читал пред ними нудную, тоскливую проповедь, которая Тома совершенно не заинтересовала, а усыпить могла. Да, жизнь Тома в целом была довольно разнообразной и даже можно сказать в целом – приятной.

Постоянное чтение книг и мечты Тома о королевской жизни так сильно повлияли на него, что он начал бессознательно играть роль природного принца. Его речь и манеры стали курьёзно торжественными и церемонными, к огромному восхищению и потехе его близких. Но и влияние Тома среди этих молодых людей росло изо дня в день, и скоро его приятели стали смотреть на него с таким-то изумленным благоговением, как будто он был высшим существом, небожителем. Они уверились, что он всё знает! Да, он мог делать и говорить такие чудесные вещи! Он был таким глубоким и мудрым в своих суждениях! Замечания Тома и его частые выступления сообщались мальчиками их старшим, и они также в конце концов стали обсуждать речи Тома Кенти и считать его самым одаренным и необычным созданием из всех рождённых в округе. Взрослые спрашивали у Тома совета, и их часто удивляли остроумие и мудрость его суждений. Он на самом деле стал героем для всех, кто его знал, кроме, разумеется, своей собственной семьи – она упорно не хотела видеть в нем ничего экстраординарного.

Через некоторое время Том даже организовал свой королевский двор! Он был принцем, его верными товарищами были воины из охраны, камергеры, штальмейстеры, лорды и придворные статс-дамы и даже надменные члены королевского семейства. Ежедневно лже-принца приветствовали подробными, тщательно исполненными церемониями, заимствованными Томом из пухлых исторических романов, каждый день великие дела мифического королевства обсуждались в мифическом королевском совете, и каждый день его эрзац-высочество издавало

декреты и отсылало приказы его воображаемым армиям, виртуальным флотам и вымышленным заморским наместникам и принимало парады воздушных гвардейцев на бывшей Площади Зловония.

После этого триумфа он шествовал в лохмотьях со двора и жалобным голосом выпрашивал у бредущих по дороге горожан пару фартингов, или еду, чтобы потом жадно сглотать свою сухую корку, получить порцию причитающихся побоев и оскорблений, а затем растянуться на грязной соломе, чтобы тут же забыться и предаться волшебным, чарующим снам.

И все же желание однажды взглянуть на настоящего принца во плоти, росло на нем изо дня в день, неделя за неделей, пока, наконец, не поглотило все другие его желания и не стало главной страстью его жизни.

В один холодный январский день, он отправился в свой обычный нищенский поход на улицу, и несколько часов кряду уныло бродил вверх и вниз по своему району вокруг Миннинг-Лейн и Литл-Ист-Чипу чуя, как холод кусает его голые ноги, вглядываясь в витрины магазинов и глотая голодные слюни от вида ужасных жареных свиных голов и других смертоносных изобретений столичной кухни, явленных там, – для него это были немыслимые, недоступные лакомства, еда богов и белокрылых ангелов, судя хотя бы по их запаху. Тому никогда в жизни не случилось отведать их за столом, да он и не мог мечтать об этом. Весь день моросил ледяной дождь, всё вокруг было хмурым и мрачным, грустный был день, доложу я вам. Только глубокой ночью Том добрался до своей лачуги, такой мокрый и уставший, такой голодный, что его отец и бабушка, посмотрев на его жалкое состояние, не осмелились по привычке поднять на него руку, а только дали ему звонкую оплеуху и отправили мирно спать, поощрив на сон грядущий гирляндой грязных, отборных ругательств. Долго холод, боль и голод, а также ругань и драки в доме не давали ему заснуть, но наконец его мысли затуманились и уплыли в далекие, чудесные страны, а после он заснул и очутился в компании коронованных богатеев, увешанных роскошными ювелирными украшениями, золотыми цепями и серебряными гербами восточных княжеств, а ещё позже – в кругу принцев, перед лицом слуг, которые спали перед их огромными кроватями, летая днём, как пчелы, готовые мгновенно выполнить любой королевский приказ. И тогда, как обычно, ему приснилось, что он сам принц. Всю ночь алмазная слава его королевского царства сияла над ним, он чинно двигался среди великих, надутых гордыней лордов и дам, летящих в потоках яркого, дикого свет, вдыхал невероятный аромат их пряных духов, упиваясь восхитительной музыкой, льющейся неведь откуда и благосклонно отвечал на поклоны ослепительно-разодетой толпы, когда она поспешно раздавалась, чтобы дать ему дорогу, он приветствовал их милой улыбкой и лёгким кивком своей уже слегка царственной головы. И когда он проснулся утром и узрел убожество своего нынешнего окружения, его сон имел обычное последствие – он только усилил ощущение мерзость такой жизни в миллион раз. Горечь объяла душу Тома, сердце его сломалось, и отчаянные слезы хлынули из его глаз.

Глава III. Том встречает принца

Том поднялся голодным, но даже острое чувство голода не могло изгнать из его головы темное великолепие его ночных мечтаний. Он бродил здесь и там в городе, почти не замечая, куда идет, не видя, что происходит вокруг него. Люди толкали его, и кто-то грубо рычал на него, но мысли мальчика были далеко отсюда. Наконец он оказался перед Темпл-Баром, самом дальним из строений, до которых он когда-либо добирался в своих блужданиях. Он остановился и немного подумал, затем снова погрузился в свои мысли и прошел мимо замшелых стен древней Лондонской крепости. К тому времени Стрэнд перестал быть просёлочной дорогой и даже в гордыне нарёк себя улицей, впрочем, на довольно сомнительных основаниях, потому что, хотя, с одной стороны, тут был ряд довольно компактных домов, с другой стороны были только чрезвычайно разбросанные большие здания – пышные дворцы богатых дворян, с обширными и прекрасными рощами и садами, спускающимися к реке, сейчас, кстати, эти пространства тесно заполнены мрачными закопченными бараками из кирпича и камня.

Наконец Том обнаружил себя в Чаринг-Виллидж и решил немного передохнуть, сев у красивого слегка покосившегося каменного креста, воздвигнутого там давным-давно покойным королем в честь какого-то мутного проходимца, затем прошёл по тихой, прекрасной дороге, мимо величественного дворца кардинала, к гораздо более роскошному и величественному Вестминстерскому дворцу. Он рос на глазах. Том в великом удивлении уставился на огромную кучу кирпичной кладки, широкие крылья уходящих вдаль корпусов, вечно нахмуренные бастионы и смешливые башенки, огромный крокодилий зев каменных ворот с внушительными позолоченными брусьями и великолепными массивными колоссами тщательно отполированных гранитных львов, ну и другие символы английской королевской власти. Неужели заветная мечта его души станет наконец реальностью? Перед ним действительно был королевский дворец во всём своём блеске. Неужели небеса не обратят на Тома своё внимание и не будут благосклонны к нему, неужели его мечта наконец исполнится, и он сможет увидеть настоящего принца – принца из плоти и крови?

С каждой стороны золочёных ворот стояло по живой статуе – это были прямые, величественные, совершенно неподвижные люди, облачённые с головы до пят в блестящие стальные доспехи. На почтительном расстоянии от них бродили одиночные горожане и собирались мелкими группами крестьяне, они переговаривались между собой, ожидая малейшего шанса хоть одним глазом увидеть всю королевскую семью. Великолепные кареты с роскошными пассажирами внутри, с прекрасными слугами на улице, беспрерывно въезжали и выезжали из многочисленных королевских ворот, открытых теперь нараспашку.

Бедный маленький Том, в лохмотьях, запинаясь, медленно и робко добрёл к роскошной оgrade, прошел мимо безучастных часовых, с бьющимся сердцем и нарастающей надеждой, и сразу же увидел сквозь золотые слитки решётки зрелище, которое заставило его чуть не закричать от радости. Внутри, за оградой стоял маленький красивый мальчик, коричневый от южного загара и свежего воздуха, крепкий, ладный от гимнастических упражнений в спортивном зале, в одежде из лучших сортов шёлка и атласа, мальчик, сияющий свежестью и драгоценностями, мальчик, на бедре которого висел двусторонний, короткий, усыпанный драгоценностями кинжальчик, на ногах были алые лакированные сапожки с красными каблучками, а на его голове красовалась ярко-красная шапочка, с развевающимися в разные стороны перьями, скрепленными огромным, нестерпимо сверкающим на ярком солнце бриллиантом. Несколько, без всякого сомнения, важных, великолепных аристократов стояли рядом с его слугами. Ой! Это был принц, живой принц, настоящий принц крови – без тени сомнения, принц от шляпы до каблучков, в каждом своём проявлении – принц, ура, наконец-то была услышана самая святая молитва, исходившая из сердца нищего мальчугана. Дыхание Тома стало бурным

от волнения, его глаза округлились от удивления и восторга. В его голове как молния сверкнуло желание – подойти поближе к принцу и как можно лучше рассмотреть его. Том был в состоянии просто сожрать его глазами! Уже не соображая, что он делает, он повернулся лицом к воротам и с силой прижался лицом к чугунной решётке. В следующее мгновение железный солдат грубо оттолкнул его от решётки и отшвырнул в толпу городских сплетниц и лондонских бездельников, зачирикавших при этом, как галки. Солдат рявкнул:

– Знай своё место, грязный бродяжка!

Толпа зарычала и заржала, но юный принц тут же бросился к воротам, его лицо стало алым, а его глаза вспыхнули от возмущения и гнева. Обращаясь к солдату, он громко крикнул:

– Как ты смеешь так обходиться с бедным парнем? Как ты можешь бить поданных моего отца? Сейчас же открой ворота ипусти его!

Ха! Вам надо было бы видеть, как стремительно толстомясая толпа и сорвала с себя шляпы, клонясь перед принцем. Вы бы послушали, какие лужёные глотки оказались у них, когда они заготовали хором, почти как гуси:

– Да здравствует принц Уэльский!

Солдаты загремели алебардами, с грохотом открылись ворота и, когда маленький Нищий принц в своих развевающихся на ветру лохмотьях прошел внутрь, чтобы встретится там с принцем Несметных Сокровищ, железные солдафоны снова почтительно поклонились ему и юный Эдуард Тюдор сказал:

– Ты выглядишь таким уставшим и голодным! Ты обижен? Идем со мной! Тут же полдюжины слуг сделали движение, готовясь выскочить вперёд – я не знаю, зачем, должно быть, без сомнения, чтобы вмешаться. Но они были отброшены властным королевским жестом, и остановились, мгновенно превратившись в недвижные живые статуи, такие же, каких полно было во дворе королевского дворца. Эдуард отвел Тома в роскошные сверкающие апартаменты во дворце, которые он назвал «своим личным кабинетом». По его приказу была принесена такая трапеза, с такими яствами и приборами, к которыми Том никогда в жизни не мог коснуться даже пальцем, и о которых мог знать только из книг. Принц, с истинно королевской деликатностью любезно отослал слуг, чтобы не смущать скромного гостя их навязчивым вниманием, затем сел рядом и пока Том ел, посвятил время расспросам и разговорам.

– Как твое имя, парень?

– Том Кенти, ваша светлость!

– Странное у тебя имя! Где ты живёшь?

– В городе, сэр, осмелюсь сказать, сэр. Район Обжорный Ряд, сэр, Улица у канавы, тупик Мусорный Загон! Таков мой адрес, ваша честь!

– Боже правый! Какие имена! Какие названия! Поистине, чудо! Но есть клички ещё страннее! У вас есть родители, сэр? Они живы?

– Живы! У родителей есть я, сэр, бабуля у меня есть, хотел бы сказать, что хорошая, простите меня, если совру, если что не так скажу и в лужу пукну – также сестры-близнецы, Нэн и Бет!

– Нэн и Бет – прощай-привет! Я так понял, по твоему виду, что твоя бабулька не слишком уж любезна к тебе, как я вижу?

– О, найти бы мне того, к кому она была любезна хоть раз в жизни, я бы поставил ему памятник! Не знаю, кто ей сможет угодить! У неё такое злобное сердце, что она всё время делает только зло! Добро в голову ей не втемяшится ни за что в жизни!

– Чем же она тебя обидела?

– Бывает раза два в год, что её руки отдыхают, и она не лупит меня, как сидорову козу! Это тогда, когда она спит или напивается до одури! Но когда она просыпается или приходит в себя с бодуна, жди беды – тогда она начинает лупить меня смертным боем!

В глазах маленького принца появился стальной блеск, и он закричал:

– Как? Тебя бьют?

– О да! Смею вам признаться, сэр! Бьют!

– Бьют!? А между тем ты такой хрупкий и маленький! Слушай меня! До наступающей ночи я велю бросить её в Тауэр! В Башню! Король, мой отец...

– Сэр, вы забываете, сэр, она такого низкого происхождения, сэр... Сэр! В башне Тауэра, по-моему, есть места только для знатных особ, а не для таких нищелюбивых!

– Правда! Действительно так! Я и не подумал об этом! А ты неглупый мальчик, как я смотрю! Как тебя зовут? Ты, кажется, говорил? Я обдумаю, как её лучше наказать! Твой отец добр к тебе?

– Не больше, чем бабулька Кенти, сэр! Пьяный, он лупит меня, как сидорову козу, а излупив, напивается до чёртиков!

– Скорее всего, отцы все одинаковы! Но я тоже не промах! У моего отца тяжелая рука, но меня он милует. Язык у него как помело, никого не жалуется! Как твоя мать относится к тебе?

– Хорошо, сэр, она жалеет меня, не обижает и не бьёт! И Нэн и Бет в этом очень схожи с ней!

– Сколько им лет?

– Если позволите, по пятнадцать, сэр!

– Леди Элизабет, моя сестра, четырнадцати лет, и леди Джейн Грей, моя двоюродная сестра —они мои одногодки, что скажешь, они милы и приветливы, как коровы, но моя сестра леди Мари не может расстаться с таким мрачным выражением на лице, что мне порой кажется, что у нас каждый день поминки... А можно у вас удостовериться, сэр?.. Мне интересно знать! Ваши сестры, сэр, случайно не запрещают своим слугам улыбаться, дабы грех не сокрушил их души?

– Слуги?

– Ха-ха, сэр, вернитесь на землю, откуда у них могут быть слуги?

Маленький принц серьезно поразмышлял о судьбе маленького нищего, затем сказал:

– И как же они обходятся без слуг? Кто помогает им раздеться ночью? Кто одевает их, когда они встают?

– Никто, сэр! Сэр, вы думаете, было бы лучше, если бы они сняли с себя платье и спали бы, как звери?

– Платье? У них, что, оно только одно?

– А, и чего хорошего в том, что у тебя много нарядов? Торс-то всё равно у человека одно! Двух торсов ни у кого ведь нет!

– Какая изумительно причудливая мысль! Простите, сэр, я не собирался смеяться! Поверь мне, но твоя добрая Нэн и твоя добрая Бет скоро будут обладать и множеством нарядов, и лакеями, и я добавлю: мой кофейник скоро будет смотреть на них и обдувать их паром! Нет, спасибо не надо, потом! Ничего-ничего! Ты хорошо говоришь, в тебе есть какая-то легкая благодать. Ты учёный?

– Я не знаю, учёный ли я или нет, сэр! Добрый священник, которого называют отцом Эндрю, научил меня, по доброте душевной, кое-какой книжной премудрости! Вот и всё!

– Знаешь ли ты латынь?

– С горем пополам!

– Учись, малыш! Сначала всё тяжело! Греческий труднее! Но ни эти, ни другие языки, я думаю, не проблема для леди Элизабет и моей кузины. Тебе следовало бы послушать, как они говорят на иностранных языках! От них языки отскакивают, как горох от стенки! Ну да хватит об этом! Лучше расскажи мне о своем Мусорном Загоне! Хорошо тебе там живётся?

– По правде говоря, да, с вашего позволения, сэр, упаси бог, как хорошо, когда я не голоден. Там шоу «Панч и Джуди», и обезьянки – каждый день, о, они такие потешные зверушки! И так прикольно одеты! – и там никогда не прекращаются жуткие спектакли, те, в которых

играют, орут, визжат и сражаются, пока все не будут убиты, и это так прекрасно, что их можно увидеть, и стоит это – какой-то фартинг, но, чёрт возьми, ты сначала попробуй добыть этот фартинг, замучаешься до чёртиков, ваша милость!

– Расскажи мне ещё что-нибудь!

– Мы, рыцари Мусорного Загона, иной раз бьёмся друг с другом дубинками, как нас тому научили подмастерья!

Глаза принца вспыхнули. Он сказал:

– Ничего себе! И я бы не отказался! Рассказывай! Что молчишь? Давай рассказывай ещё!

– Мы устраиваем гонки, сэр, чтобы узнать, кто из нас будет первым!!

– Это мне тоже по нраву! Продолжай!

– Летом, сэр, мы бежим на реку или на канал, и целыми днями загораем и плаваем там, играем друг с другом в салочки и брызгаемся водой, мы ныряем, и кричим, и ныряем...

– Да я бы отдал отцовскую корону, если бы мог хоть раз так классно развлечься! Ещё что-нибудь расскажи!!

– Мы танцуем и поем возле Майпола в Чипсайде, мы играем на берегу, зарываем друг друга в горячий песок, делаем из глины пироги – что может быть прекрасней горячей глины! Она чудесней всего на свете! Мы всё время бегаем, вывалившись в грязи, позвольте вам доложить, сэр!

– О, ни слова больше! Это просто великолепно! Если бы я мог одеться в такую же клёвую одежду, как у тебя, бегать босиком, вываливаться в грязи, чтобы ни разу, никому не пришлось в голову не упрекать меня или запрещать мне это, я бы, видит бог, сразу отказался от короны!

– Ах, если бы я мог... хоть однажды... милый сэр, одеться... как вы... только один раз...

– Ого, оказывается тебе это по вкусу? Тогда так оно и будет! Меняемся! Давай свои тряпки, и надевай это нудное великолепие, парень! Счастье не может быть вечным но оно оттого не становится менее сладким! Мы будем счастливы, пока сможем, и снова станем сами собой, переодевайся скорее, пока тут никого нет!

Через несколько минут маленький принц Уэльский был украшен дырявыми обносками Тома, а маленький нищий принц оперился роскошными фижмами королевской власти. Они пошли и встали бок о бок перед большущим зеркалом, и вот, чудо: они оказались на одно лицо, похожи, да так, что казалось, будто от их переодеваний вообще ничего не изменилось! Близнецы не бывают так похожи! Оба малыша посмотрели друг на друга, потом в зеркало, потом друг на друга. Наконец, озадаченный принц сказал:

– И что ты по этому поводу думаешь?

– Ах, ваша милость, побойтесь бога, что я могу сказать! Мой статус не позволяет мне выносить зрелые суждения!

– Тогда скажу я! У нас одинаковые волосы, одни и те же глаза, один голос и манеры, та же форма и рост, одно и то же лицо и лицо у тебя и у меня. Выйди мы голяком, никто не сможет кто ты, и кто принц Уэльский. И теперь, когда я одет, как ты, одет в эти лохмотья, похоже, я уже могу почувствовать себя почти так же, как ты, когда грубый солдат... – слушай, а этот синяк на твоей руке, откуда?

– Да, не обращайтесь внимания, ваша светлость! Вы знаете, ваша светлость, что этот добрый часовой...

– Замолчи! Это был позорный и жестокий поступок! – воскликнул маленький принц, топнув ногой, – Если король... Стой здесь, пока я не вернусь! Это приказ!

В мгновение ока Принц схватил и спрятал какую-то важную государственную вещь, которая лежала на столе, и, выскочив в дверь, мигом пролетел через дворцовую площадку, полыхая своими великолепными лохмотьями, с пылающим лицом и горящими глазами. Подбежав к главным воротам, он схватился решетку и стал её трясти, что было сил.

– Открыть! Отпереть ворота! – закричал он солдату.

Солдат, который жестоко обращался с Томом, быстро подчинился, и когда принц про-
рвался через портал, пламенея от королевского гнева, солдат дал ему такую звонкую оплеуху,
что принц закружился на дороге. А солдат процедил сквозь зубы:

– А ну получи, мерзкий попрошайка! Мерзавец! Это тебе за то, что я благодаря тебе
получил от его величества!

Толпа взревела от хохота. Принц выбрался из грязи и в ярости устремился к часовому,
крича:

– Я принц Уэльский, моя личность священна! Я неприкосновенная личность! Как ты
осмелился поднять на меня руку? Я повешу тебя!

Солдат взял алебарду в руки и сказал насмешливо:

– Я приветствую вас, ваше всемилостивейшее величество! Спасибо вам за всё!

Затем зло добавил:

– Безумное отродье! А ну убирайся вон!

Здесь издевательская толпа сомкнулась вокруг бедного маленького принца и, толкая его
в шею, повлекла по дороге, сброд размахивал руками, пихаясь и вопя:

– Дорогу к его королевскому высочеству! Дорогу принцу Уэльскому!

Глава IV. Начало бед Принца

После долгой травли и преследований маленький принц был наконец брошен толпой и остался в крошечном одиночестве. Пока он был в состоянии гневаться против издевательской толпы, пока он был в состоянии топтать ногами и угрожать ей королевскими карами, подавать грозные королевские команды, заводившие толпу так, что она от смеха валилась на землю, он был ей любопытен, но как только усталость окончательно заставила его замолчать, мучители потеряли к нему всякий интерес, и пошли искать других развлечений в иных местах.

Здесь он первые огляделся, и не понял, где находится. Он был в Лондоне – это все, что ему было понятно. Он двинулся дальше, бесцельно, куда придётся, и скоро дома поредели, стали беднее и меньше, а прохожие попадались теперь так редко, что казалось, тут никто не живёт. Он вымыл свои кровоточащие ноги в ручье, который тёк на том месте, где теперь находится Фаррингтон-Стрит, и ему даже удалось отдохнуть несколько мгновений, затем он пошел ещё дальше и вдруг вышел на большой выгон, на котором стояло несколько хаотически разбросанных домов, и потрясающая по красоте и размеру церковь. Он сразу узнал эту церковь. Она была вся в строительных лесах, везде сновали рои рабочих, уже оканчивавших большой ремонт. Принц сразу почувствовал, что теперь его так неожиданно начавшиеся проблемы должны благополучно закончиться. Он сказал себе:

«Это древняя церковь Седых Монахов, которую царь мой отец изъял у них и отдал для бедных и брошенных детей, а её новое имя – это Церковь Христа. С радостью они будут служить сыну того, кто так великодушно оделил их, – и тем более, что этот сын сам теперь беден и страждет, как любой, кто был спасён здесь когда-либо».

Он сам не понял, как очутился посреди толпы мальчиков, которые бегали, прыгали, играли в мяч и салочки, все они были сами по себе, и страшно шумели и кричали. Все они были одеты одинаково, по моде, которая царила в то время в среде слуг и подмастерьев. У каждого на макушке была плоская черная кепка размером с блюдце, крайне неудобная из-за её очень мизерного размера, из-под неё волосы падали до середины лба, канцелярского вида воротник на шее, хорошо подогнанное синее платье до колен или ниже с широкими и длинными рукавами, широкий красный пояс, яркие желтые чулки с подвязками выше колен, и чёрные туфли с большими металлическими пряжками. Надо сказать, что костюм этот был довольно уродлив.

Мальчики остановили игру и стеклись к принцу, который сказал с природным достоинством:

– Добродетельные отроки, скажите своему господину, что Эдвард Принц Уэльский желает с ним поговорить!

Мгновенно поднялся громкий гвалт, и один грубого вида парень сказал:

– Лопни мои глаза, так ты посланник королевской милости, подонок?

Лицо принца вспыхнуло от гнева, и его рука потянулась к бедру, но там ничего не было. Послышался бурный смех, и один подросток сказал:

– Смотрите-ка! Ему показалось, что у него клинок, а он сам – принц!

Эта шутка вызвала ещё больше смеха. Бедный Эдуард гордо встал и сказал:

– Да! Я принц! И тебе будет плохо, если ты, питающийся щедротами моего отца, будешь вести себя со мной столь надменно и дерзко!

Это было так прикольно, так смешно, что заржали все. Молодой человек, который первым заговорил, кричал с хохотом своим товарищам:

– Эй вы, грязные свиньи, мутные рабы, нахлебники его высокородия папаши, нижайшие приживалы его монаршей низости, и куда подевались ваши благомордые бараньи манеры? На колени, мерзкие подонки его величества, вы, знатные королевские отребья, клонитесь скорее перед его всемилостивейшей тушей и грязными монаршьими лохмотьями!

В неистовом веселье они рухнули на колени и принялись ползать, лобызать ноги и биться головами о землю, всячески издеваясь над своей беззащитной добычей. Принц повернулся к самому большому наглецу, изо всей силы пнул его ногой и закричал злобно:

– Получай, негодяй, это мой задаток на сегодня, а завтра я вздёрну тебя на рее!

Ах, ну так это была уже не шутка! Так бедняки не шутят! Смех улетучился в одно мгновение, и его сменила дикая ярость. Десяток голосов звучал одновременно:

– Хай! Тащи его! В конский пруд! Туда его! Скорее! В конский пруд! Где псы? Лев, пошёл! Рви его! Вот он! Возьми его, Клык! Держите крепко, а не то уйдёт! Вот гнида! Фас!

Затем последовала такая сцена, которой раньше никогда не привелось видеть святой Англии – священная персона юного престолонаследника была грубо попрана плебейскими кулаками и башмаками, и едва не разорвана на куски огромными злыми псами. Только быстрые ноги помогли ему спастись. В ту же ночь, когда утро уже начинало озарять город, принц оказался далеко внизу, в тесно застроенном хибарами логоу. Его тело было всё в ушибах, его руки болели и кровоточили, а изорванные тряпки были сплошь покрыты пылью и грязью. Он бродил по улицам бесцельно, едва волоча ноги, всё больше теряя самообладание и мужество, и в конце концов упал в обморок от усталости. Он уже отчаялся спрашивать кого-либо, это они приводило только к оскорблениям и брани, а узнать что-либо от них было просто невозможно. Он продолжал бормотать про себя:

– Как он говорил? Придворная... Горная... Сорная... Мусорная... Мусорная Куча, кажется, так это у них называется! Если я смогу найти Мусорную Кучу прежде, чем у меня исчезнут силы, и я не упаду, то я спасён, я знаю, что благородные джентльмены из Мусорной Кучи отвезут меня в королевский дворец и я докажу, кто я такой, докажу там, что я принц крови, и снова стану тем, кем был раньше!

И время от времени, когда его разум возвращался к его разборкам с грубиянами из больницы Христа, он твердил:

– Когда я стану королем, у них будет не только хлеб и крыша над головой, но ещё и учителя, и книги, ведь набитый живот немногого стоит там, где голодают ум и сердце! Я должен старательно запомнить это тяжёлое воспоминание, дабы жестокие уроки этого дня вовеки не были забыты мной! Что делать, мои поданные страдают от этого, живя в довольстве и неге, они рано или поздно напрочь забывают о тех, кто живёт в нищете и лишён всего! Правильное воспитание смягчает сердце и порождает в поданных честность и милосердие!

Откуда он набрался такой ереси?

В окнах стали теплиться огни, на землю упали первые капли дождя, поднялся ветер, и на город пала сырая и бурная ночь. Бездомный принц, несчастный потерянный наследник трона Англии, всё шёл и шёл, углубляясь всё глубже и глубже в лабиринт убогих переулков, где кучковались грязные улы нищеты и отчаянья.

Внезапно здоровенный пьянчуга ужасно больно ухватил принца за плечо и заорал:

– Ха! Вот ты где! Шлялся где-то целый день, и клянусь богом, не принёс домой и ломаного гроша! Если это так, и я не выбью из тебя гнилой дух и не поломаю все твои кости, тогда считай меня не Джоном Кенти, а чёрт знает кем!

Принц скривился от отвращения, вырвался из цепких рук, почесал ушибленное плечо и нетерпеливо воскликнул:

– А, ты, верно, его отец? Всеблагие небеса! Слушай! Забери меня отсюда и отведи меня домой!

– Его отец? Знать бы, что ты имел в виду? Я знаю, кто твой отец – это я, и скоро твоя шкура..

– О, не шути со мной, не празднословь, милый человек, и не трать моего времени! Я устал, я ранен, я у меня нет сил терпеть! Отведи меня к королю, моему отцу, и он сделает тебя столь богатым, как ты не можешь даже мечтать! Что ты делаешь? Поверь мне, мужлан, поверь

мне! Я не лгу, я говорю чистую правду! Дай мне твою честную, верную длань и спаси меня!
Я действительно принц Уэльский!

Мужчина, совершенно ошеломлённый, посмотрел вниз, на малыша, потом покачал головой и пробормотал:

– Сынок, ты совсем рехнулся, и теперь беснуешься, как последний Том из Бедлама!

Затем он снова заржал, и перемежая слова с гнусной бранью, схватил бедного принца и прорычал:

– Псих ты или чёртов умник, да только я твой папаша – Джон Кенти, слушай, дубина, я освежу тебе память, все кости переломаю, ты у меня почуешь, кто есть кто, или я – не Джон Кенти, чёрт бы тебя побрал!

С этим он схватил безумного, бьющегося в его лапах принца и скрылся в тёмном дворе, преследуемый шумной сворой ржущих человеческих отребий.

Глава V. Том – Патриций

Том Кенти, оставшись один в комнате принца, хорошо воспользовался своими новыми возможностями. Он принялся разгуливать по комнате, так и сяк красуясь перед огромным зеркалом, любуясь своим отражением в этом новом костюмчике, а потом стал важно прохаживаться, подражая великосветским манерам принца, издали наблюдая за отражением в зеркале, и чинно целовал сверкающий драгоценными камнями клинок, потом поклонился, возложив его на грудь, как это делал один известный ему по книгам благородный рыцарь из Тауэра, в знак приветствия коменданту в момент передачи в его руки арестованных за государственную измену великих лордов Норфолка и Сурре. Том видел это пять или шесть недель назад, когда гулял среди дня возле крепости. Том играл с драгоценным кинжалом, который висел на его бедре, он придирчиво осматривал дорогие и изысканные украшения залы, он опробовал сиденья всех роскошных стульев, какие были вокруг и даже представлял, сколь восхитительно было бы, если бы стадо малышни из Мусорного Загона могло заглянуть сюда и увидеть его на вершине величия. Он задавался вопросом, поверят ли они в эту изумительную сказку, когда он вернется домой и расскажет им всё, что с ним приключилось, не покачают ли они недоверчиво головами, не покрутят ли пальцем у виска и не скажут ли, что это только плод его больного воображения, болезни, вконец расстроившей его разум?

Через полчаса ему в голову внезапно пришла мысль, что принц почему-то долго не возвращается, и сначала лёгкое беспокойство, а потом растущая тревога, чувство одиночества и тоски овладели им, скоро превратившись в животный ледяной ужас. Он прекратил игры с красивыми вещицами, перестал смотреться в зеркало, но всё было напрасно – беспокойство только росло, пока не превратилось в настоящую панику. Предположим, что кто-то придёт сюда, и поймает его в одежде принца, а принц не сможет помочь ему и объяснить, что случилось... А вдруг они повесят его сразу, не разбираясь в мелочах, а только потом выяснят обстоятельства? Он слышал, что великие люди по большей части быстры и не особенно разборчивы при принятии мелких решений. Его страх рос и становился всё сильнее и сильнее, и уже дрожа мелкой дрожью, он мягко открыл дверь в прихожую, и выглянул наружу – надо было срочно лететь и где угодно искать принца, а через него – защиту и свободу. Шестёрка великолепно одетых господ – личных слуг принца и два юных пажа, яркие как бабочки, вскочили на ноги и низко поклонились ему. Он быстро отошёл от двери и закрыл её. Он шептал про себя:

«О, они просто издеваются надо мной! Они пойдут и всё расскажут! Ой! Зачем я здесь очутился? Как я мог попасть сюда на свою погибель?»

Он бегал по комнате из угла в угол, полный несусветными страхами, прислушиваясь в ужасе к каждому шороху за спиной. Тут дверь широко распахнулась, и шелковый паж, раскрыв крылья, ласково произнёс:

– Ваше высочество! Леди Джейн Грей!

Дверь закрылась, и миловидная юная девушка, богато одетая, впорхнула в комнату и со всех ног бросилась к Тому. Но, увидев его, она внезапно остановилась и сказала с лёгкой тревогой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.